

Футбольный мяч на цветочной клумбе

— детектив —

12+

Алексей Бородкин

Алексей Петрович Бородкин

Футбольный мяч на цветочной клумбе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67642755

SelfPub; 2022

Аннотация

Самое необычное преступление, о котором вы когда-либо слышали. Самое необычное преступление, которое доводилось расследовать дю Жерану... а уж этот сыщик повидал на своём веку всякого! Ален Делон (с сединой), перья попугая, убитый (горем и пулею) автор поваренной книги, ангельская сиделка, кролик из шляпы фокусника и красивые женские ноги спряглись в этой истории в одну симпатичную причёску медузы Горгоны. Впрочем, всё удачно разъяснилось в финале, и даже разразился хэппи-энд.

Прошу простить такое контурное описание; невозможно рассказать о детективе и не испортить интригу. Если серьёзно, то убит месье Ушар. Пропало столовое серебро. Следствие располагает букетом свидетелей, но не имеет даже единого завалящего подозреваемого.

P.S. От себя автор гарантирует море позитива и хорошего настроения.

Алексей Бородкин

Футбольный мяч на цветочной клумбе

Это какая-то ошибка... недоразумение. Я не нужен вам, а вы не нужны мне. Вот скажите, какой чорт я вам сдался? А? Подумайте спокойно, и вы не найдёте вразумительного ответа. Я скучный, нудный, неряшливый тип со скверными привычками. Я ковыряю пальцем в носу, а потом рассматриваю добытое. Мне почти пятьдесят, и я живу с мамой. Никогда не был женат, более того, я не собираюсь преклонять пред Гименеем колени. Я слушаю Вагнера, притом громко и долго. Шумно пью пиво, ем много жирного, а это, согласитесь, бесполезно. Читаю детективное бульварное низкосортное чтиво и слезлив, как беременная хористка... хотя, отлично стреляю из любого стрелкового оружия. Ну? Чего вы молчите, как истукан с острова Пасхи? Явите начальству мудрость, откажитесь от работы со мной!

Беседовали двое: инспектор дю Жеран и его новый напарник. Жеран вполне откровенно описал свои моральные и физические кондиции, сверх его признаний можно добавить лишь только, что он имел склонности к полноте (хотя одышкой не страдал), любил держать собеседника за пуговицу (как и теперь) и покручивал её, словно проверяя нит-

ки на прочность. Мечтал завести лошадь и даже откладывал на неё средства... при этом явственно отдавал себе отчёт, что никогда верхом не сядет, и его фантазии – блажь чистой воды. Дю Жеран искренно любовался обнажённым женским телом и регулярно посещал заведение мадам Роланды, предпочитая одну и ту же девушку, меж тем, жениться не соби-рался из-за... психоаналитик раскопал бы здесь юношескую травму, однако это "расследование" уведёт нас далеко от основного, и мы не станем его развивать.

Утром к Жерану подошел человек, протянул бумагу и поправил ладонью шляпу, столкнув её на затылок. Инспектору не понравилось решительно всё: утро, жест, шляпа, покрой костюма, рост незнакомца (он был невысок) и выражение его глаз.

– Это что? – спросил дю Жеран не разворачивая листа.

– Назначение. – незнакомец экономил слова. – Я новый напарник.

Дю Жеран ответил, что сие невозможно. Сегодня день непригодный – по гороскопу – для новых знакомств, тем более по службе:

– Исключено! – воскликнул инспектор. Затем выговорил монолог, коим мы отворили рассказ: – Ну? Чего вы молчите? Или вам недостаточно моих недостатков... простите за тавтологию.

– Мне они безразличны. Можете плясать голым под своего Берлиоза, или как там его...

Дю Жеран внимательнее присмотрелся к нахалу. Нашел, что месье напоминает отставного удачливого боксёра лёгкого веса: жилистое тело, длинные руки, холодные серые глаза и шрам над бровью.

– Как вас зовут? – спросил инспектор.

– Юп, – ответил напарник.

Инспектор повременил, ожидая продолжения. Его не последовало.

– И всё?

– Две буквы.

– Не Юпп, не Юппер, не Юпитер, не Юппенхгаузен?

– Нет.

– Что ж, – Жеран изогнул саркастически губы, ему захотелось уязвить новичка. – Примем эту лаконичность за самую большую вашу добродетель. – Укол получился невыразительным.

Со временем, Юп и Жеран подружились, хотя эта дружба приняла весьма странные формы. Если Юп приглашал инспектора в гости, то покупал бутылку "нюи-сен-жорж" – это вино обожал он сам, однако дю Жеран терпеть его не мог. Когда Юп приходил в дом Жерана с ответным визитом, они занимались пересадкой георгинов и луковичных; и Юп погружал свои руки в землю с таким же выражением, с каким Жеран пил "нюи-сен-жорж".

Пару составили для того, чтобы эффективнее расследовать убийство Ушара. Мишель Ушар был застрелен в доме своего приятеля Фрессона.

Дело было так:

Вечер... что-то около девяти, небо в тот день хмурилось и нервничало, а потому окна были закрыты, и хозяин дома Фрессон брюзжал, что хорошо бы включить отопление. В гости зашел Мишель Ушар. Старики выпили по стаканчику, разгорячились и решили поиграть в го, по привычке поднявшись в бильярдную на втором этаже. Помимо месье Фрессона (78 лет от роду) и убиенного Ушара (64 полных годов) в комнате присутствовала мадемуазель Кано – сиделка с лицензией на ограниченную медицинскую деятельность, 26 лет, незамужняя, не привлекавшая и не попадавшая в поле зрения полиции.

Старики двигали камушки, Эми Кано вязала. На полочке негромко бренчал транзисторный приёмник, изображая что-то совсем старое, послевоенное: Ти фо ту, энд ту фо ти, джаст фо ю, энд ю фо ми...

Неожиданно на лестнице послышались шаги, что показалось странным, встревожило троицу, ибо кухарка давно ушла, мадам Фрессон (хозяйка дома) по средам посещала художественную мастерскую – училась живописи, задерживаясь систематически до полуночи.

Ушар поднялся и сделал несколько шагов к двери, где столкнулся с высоким (впрочем, показания разнятся) чело-

веком. Ушар ойкнул, и моментально был застрелен филигранным выстрелом в лоб. Сиделка Эми закричала и упала на пол, прикрывая голову недовязанным шарфом.

Злодей выстрелил в девушку, но промахнулся – пуля прошла всего в нескольких сантиметрах от уха.

Старик Фрессон схватился за сердце и обмяк на спинке стула, в него убийца стрелять не стал, напротив, он бросил пистолет к ногам старика – этот момент можно признать ключевым. Фрессон – что значит старая гвардия! – не стал терять времени, но ухватил револьвер, и направил в сторону убегающего бандита.

Четыре последовавших выстрела изрешетили дверь миллиардной (бандит успел её захлопнуть). Однако... судя по второстепенным признакам и отсутствию тела, месье Фрессон не попал в злоумышленника.

– Что скажете, Юп? – проговорил Жеран. – С чего вы предпочитаете начать расследование?

Юп сделал замысловатый горизонтальный жест, который сложно было ожидать от его сухопарой фигуры.

– Хотите сказать, что отдаёте приоритеты и предпочтения мне? Как более опытному и, зачем скрывать очевидное, умному компаньону? Согласен с такой постановкой вопроса. Тогда давайте не станем торопить события, и прежде чем мы посетим место преступления, заглянем в ресторанчик месье Перрена. Его жена печёт дивные круассаны. Ничто на этом

свете не может сравниться с выпечкой мадам Перрен.

Юп возразил, что фасоль с томлёнными томатами бывает очень даже ничего:

– Если правильно приготовить томаты. Они не должны сочиться, но и не стать сухими.

Брови дю Жерана взлетели от удивления:

– Из вашего многословия заключаю, мой скороспелый компаньон, что идеи кухонного ножа и вилки вам не чужды! Жаровня и сковорода не являются для вас Сциллой и Харибдой!

– Мои вкусовые рецепторы функционируют, как часы, – откликнулся Юп.

Поспешая и толкаясь плечами, коллеги отправились принять завтрак... и немножечко в счёт обеда.

Справедливости ради, следует отметить, что месье Ушару (отправившемуся в лучший и цветущий мир) эта задержка не повредила. Следствие же, напротив, от непродолжительного антракта только приобрело, ибо когда дю Жеран и Юп появились в доме Фрессона, улики были собраны (насколько это возможно), показания очевидцев сняты (насколько это возможно), пострадавшие успокоены (насколько это возможно).

Первым делом инспектор дю Жеран ознакомился с протоколами допросов. Он читал бумаги, прохаживаясь по дому, лицо его приобрело каменное выражение... точнее, всякое

выражение сползло с его лица. Жеран пытался восстановить на местности последовательность действий и поступков.

Юп следовал по пятам, временами приседая, будто пропуская удар противника, и выкидывая вперёд левое плечо в воображаемом апперкоте.

Дом месье Фрессона имел полтора этажа, и представлял собой бастард между академическим французским домом и немецким фахверком. План первого этажа заключал: огромный холл (он же гостиная, он же столовая, он же кухня, он же зал). Из этого "желудка" неправильной формы можно было попасть в рабочий кабинет месье Фрессона. С кабинетом соседствовал будуар мадам Фрессон (как она сама его называла). Следом обширная гардеробная, затем кладовая (она же винный погреб), вспомогательная комната (с диваном, телевизором, пейзажем на стене и мусорной корзиной), чулан для продуктов и – нечто невообразимое! – просторный дровяник, заполненный дубовыми поленьями. Камина, как такового, в доме не существовало, однако присутствовал очаг в центре холла (в углу воображаемой кухни) в которой можно было приготовить быка... судя по его размерам.

– Оригинально, – пророкотал под нос Жеран, – виртуозная композиция... этот Фрессон большой пошляк, как я погляжу. Предпочитает обширные пастбища.

– Согласен, – тон Юпа опять возвратился к критически минималистическому. – Он вполне мог сам кокнуть дружка.

– Не станем торопиться с выводами, мой опрометчивый

друг. Впрочем, вашу бредовую идею мы станем придерживаться в мозгу.

Мансардный второй этаж занимал значительно меньшую площадь, и был составлен привычнее первого этажа: лестница-коридор, бильярдная (как основная комната). Рядом спальня хозяина, обширная сантехническая территория (туалет/ванная/бельевая – это отделение дублировало помещение на первом этаже). С другой стороны, от хозяйской опочивальни – комната сиделки с маленькой раковиной, шкафчиком, диваном, телевизором, чучелом совы, доставшимся от предков и книжной полкой на которой красовалась полдюжина разнокалиберных бутылок.

– Недурственно! – отметил Жеран, окинув взглядом. – Спартанский приют.

– Тут можно жить, – кивнул Юп.

Из показаний вытекало, что вечером, примерно в четверть девятого незнакомый месье (Преступник) вошел в парадную дверь и тщательно вытер о коврик ноги...

– Вскрыть замок не оставило труда, – молвил Жеран.

– Или его отжали фомкой, – Юп.

– Он вошел, продвинулся на кухню, – компаньоны переместились к зоне кухни. – Здесь Преступник осмотрелся, вытянул ящик стола и взял бязевые кухонные перчатки.

– Поэтому на пистолете нет его отпечатков. – Юп.

– Затем он... тут есть сомнения, впрочем, весьма незначительные... быть может он прежде посетил кабинет, или

спальню...

Юп возразил: – Нет-нет! Он двинулся в гардеробную. Там он облюбовал себе подходящий несессер.

– Из чего вытекает ваша уверенность?

– Фрессоны отметили массивованную пропажу столового серебра. Надевая перчатки, молодчик приметил избытки серебряной руды, и задумал их изъять.

– Резонное предложение, – дю Жеран почесал кончиками пальцев лоб, как бы поощряя умственную деятельность. – Затем Преступник проник в кабинет хозяина. Здесь он выявил фиговые листы в виде просроченных счетов, долговых обязательств и аляповатой картины мадам Пикко...

– ...а также сейф.

– Сейф... да... но почему он не попытался его открыть?

– Вопрос.

Жеран:

– Запишем его в отделение "загадочное".

Коллеги переместились в спальню хозяйки, где пропали наличные деньги... незначительная, впрочем, сумма и женские драгоценности: два кольца, серьги, кулон и ещё одна пара серёжек, с бриллиантами и "масепусенькими изумрудами" – последнее определение должно было уязвить супруга, купившего такие маленькие камни.

– Удача, – проговорил Юп. – Эта находка вдохновила Преступника на дальнейшие действия.

– Тем паче, – продолжил мысль Жеран, кивнув головой,

что в кабинете хозяина он нашел револьвер и патроны.

На второй этаж Преступник поднялся по лестнице, и хотел осмотреться, но...

– ...его слышали.

– События развивались стремительно, – сказал Жеран. –

Преступник шагнул к полуоткрытой двери.

– Навстречу из бильярдной устремился Мишель Ушар.

Они столкнулись, и Ушар получил пулю в лоб.

– Показания свидетелей сходятся.

Здесь Юп отметил нелогичность поведения Преступника:

– Зачем он бросил пистолет?

Дю Жеран успокоил:

– Сработало подсознательное желание избавиться от орудия убийства, как от основной улики.

Детективы помолчали. Детали преступления складывались и... не складывались. За окном промелькнула растревоженная сорока, ветер завыл в печной трубе. День незаметно превращался в вечер. В желудке детектива заурчало, сподвигая к решительным действиям. Подошел старший жандарм, козырнул и отчитался, что осмотр помещения и придомовой территории закончен. Сказал, что всё осмотрели дважды, и что все нюансы отражены в бумагах.

Дю Жеран пожелал служаке спокойного вечера и подумал, что такое витиеватое дельце не разгадать с помощью улики.

– Напротив! – возразил Юп, – только силою улик мы и сможем его расколоть!

Месье и мадам Фрессон решили переночевать в гостинице, кухарка отказалась от места и сделала через жандарма заявление: "Через неделю ноги моей больше не будет в этом гадюшнике, – так она выразилась. – Можете передать мои слова этой скупой стерве!" – имея в виду хозяйку дома.

Из свидетелей оставалась только сиделка, следствие решило провести с ней беседу. Эми Кано, смиренно сложив руки, ждала у очага.

...это была девушка ангельской красоты, с тем только отличием, что ангелы традиционно белой масти. Эми Кано принадлежала племени жгучих брюнетов, фракции "воронье крыло". Она не была высокой, не казалась низкой. Черты лица не бросались в глаза, однако умиляли симметрией и гармонией. В глазах мелькали ласковый искорки..., впрочем, эту иллюминацию можно было разглядеть не всегда, и уж определённно не теперешним вечером.

Эми ошеломила компаньонов до такой степени, что мужчины остановились и переглянулись. Ладонями инспектор проговорил: "Вот те раз!" Юп задал бровями вопрос: "Как поступим?" – в том смысле, что неловко допрашивать ангелов... даже, если они немножечко согрешили.

Дю Жеран откашлялся и попросил пересказать события вчерашнего вечера. Эми выговорила фразы из протокола: сидела-вязала, услышала шаги, потом выстрел... она смертельно испугалась и упала на ковёр. Когда подняла глаза, всё

было кончено: четыре дырочки в двери и хозяин – мосье Фрессон, – безумно клацающий спусковым крючком пистолета.

– Револьвера, – поправил Юп.

– Что?

– Стреляли из револьвера. Револьвер, не совсем пистолет.

Точнее, пистолет не совсем револьвер, и...

Дю Жеран отгеснил напарника:

– Кажите, мадемуазель, вам не показалось поведение Преступника странным?

– В каком смысле?

Эми Кано работала у Фрессонов восемь с половиною лет.

Утром она меряла хозяину давление и считала пульс, в обед контролировала калории, которые проникали в организм старика... следила за физической активностью, за эмоциональным состоянием, за нервозностью, за витаминами, необходимыми для работы мозга (подразумевалось, что он ещё функционирует), вечером ещё раз измеряла артериальное давление и даже инспектировала густоту и цвет фекалий... когда случались желудочные сбои.

– Вам не показалось, что Преступник... – дю Жеран пошевелил пальцами, словно водорослями, подумал, что надо бы поехать на выставку в Лион и справиться о луковицах гладиолусов, продавцы обещали диковинные сорта из Амстердама, – излишне.... – опять заминка, – хозяйственный, что ли. Домовитый.

Девушка перепугалась, покачала головой, сказала, что не ухватывает мысли.

– Очень просто, – Жеран посмотрел ласково, – успокойтесь, мадемуазель. Рассудите сами, Преступник проникает в дом, притом, как в свой собственный...

Покуда дю Жеран проговаривал свою мысль, Юп, заложив руку за руку, прохаживался по кухонной бамбуковой дорожке. Когда было необходимо, вставал ремарки:

– Проник без труда, – проговорил он.

Инспектор продолжал:

– Не опасаясь хозяев или прислуги, он сметливо направился к ящику, вынул перчатки. – Эми кивнула. – Затем последовал в гардеробную и взял несессер.

– Не понимаю... – опять пролепетала Эми.

– Что вам непонятно?

– Мне непонятно, что вам непонятно? Ведь несессер самый удобный саквояж для грабителя.

– Именно! – возликовал Жеран. – Но откуда Преступник мог знать, что он найдёт серебро в столовой, а несессер в гардеробной?

– Но ведь столовое серебро обязано быть в столовой, – выговорила девушка. – А несессер хранится в гардеробной. Разве нет?

– Допустим, – неохотно согласился Жеран, – Но почему он не попытался вскрыть сейф? Сейф плёвый, с элементарным замком.

– Этого я не знаю, – Эми пожала плечами.

Юп поднял указательный палец:

– Да потому что в сейфе было пусто! Словно в Аравийской пустыне декабрьским полднем.

– Там нечего было брать, – пояснил инспектор. – Но откуда Преступник мог это знать?

Эми ответила резонным вопросом:

– Тогда зачем было убивать Ушара? Ради чего?

Дю Жеран улыбнулся:

– Вот это очень правильный вопрос!

– Что, если убийца не убивал Ушара? – предположил Юп.

– Что, если никакого Преступника не было вовсе? – дополнил Жеран.

– Тогда, – девушка посмотрела на звёзды сквозь потолок, – получается, он сам себя застрелил?

Из протокола следовало, что месье Фрессон состоит в плотных дружеских отношениях с убиенным Мишелем Ушаром. Опуская канцеляризмы и сухой язык следственных документов, пользуясь гражданскими простыми метафорами, можно сообщить следующее: Мишель Ушар генерировал книгу кулинарных рецептов – процесс длился многие десятилетия. Столь же продолжительный срок, месье Фрессон издавал "Кулинарный вадемекум идеальной домашней хозяйки и профессионального повара" Ушара.

В прежние (далёкие) времена книга бойко продавалась и

приносила существенную прибыль. Со временем, полноводный поток иссяк... усохнув, прежде, до речушки, потом до родника... потом до оскорбительной струйки.

Так получалось, что старики – как два дремучих дерева – не могли расстаться, ибо сплелись ветвями и корнями. Фрессон издавал и пытался продавать кулинарную насмешку, то есть книгу... прибыли не стало вовсе, однако авторский гонорар Ушару полагался по условиям контракта... но не выплачивался по понятным причинам, и относился в счёт долга, который... вероятнее всего, должен был переместиться в следующую жизнь.

Заговорил Юп:

– История начиналась с конца. Мишель Ушар пришел к старому приятелю поиграть в го... и напомнить о долге. Старики выпили кальвадоса. Фрессон незаметно достал пистолет и продырявил своему археологическому кредитору лобовую поверхность. Затем пальнул в пол... чтобы испугать вас, мадемуазель Кано, а также для правдоподобности. Затем Фрессон расстрелял оставшиеся патроны в дверь. Что скажете?

Мадемуазель Кано вспыхнула – притом румянец проступил сквозь золотистую кожу, – однако сдержалась. Поразмыслив, произнесла:

– Во-первых, не понятна моя роль. Ведь я же видела своими глазами. Во-вторых, не ясны причины убийства.

Дю Жеран ответил, что мотивов и поводов предостаточно:

– Газеты поднимут шум, тиражи поваренной книги взлетят, – следователь потерел себя за кончик носа. – Будет баснословная прибыль, а составителя книги уже нет... все права перешли Фрессону.

– Но... – выговорила мадемуазель, – моя роль по-прежнему туманна.

– Вас могли подкупить, – предположил Юп. – Вам ведь нужны деньги? Во всяком случае, вы бы не отказались от кругленькой суммы.

Эми Кано сверкнула очами, встала, выпрямив спину и напоминая позицией Нику Самофракийскую, бросила краткое: "Нахал!" и отвесила обидчику смачную звонкую пощёчину.

...тем и окончился первый следственный день.

День второй принёс массу прелюбопытнейшей информации... но прежде, чем она будет озвучена, позвольте передать разговор дю Жерана и его помощника (перед встречей обоих сыщиков с месье Морфеем).

Дю Жеран отметил, что версия Юпа вполне имеет право на существование:

– Старик Фрессон мог кокнуть своего автора, а затем изобразить ограбление. Поэтому оно такое аккуратное.

– Поэтому не тронули сейф, – кивнул Юп.

– Логично, – согласился Жеран. – Тем паче, что эту версию легко проверить.

– А именно?

– Элементарно. Если Преступник существовал, то он ушел с полным саквояжем и серебра мы не увидим его и в помине – он унёс добычу. Если же стрелял старик Фрессон, то у него не было времени унести несессер.

– И он спрятан где-то в доме! – возликовал Юп.

– Или около дома, – дополнил Жеран. – Я распоряжусь, чтобы его поискали.

План действий был составлен, утром Жеран поставил задачу, и жандармы осмотрели участок вокруг дома, и само жилище. Отыскивали несессер из рыжей потёртой воловьей кожи с двумя латунными замками и монограммой "LF".

Часам к девяти... когда все приличные дамы и месье уже откушали утренний кофе, курьер из полицейского управления принёс бумаги... дю Жеран просмотрел "донесение" и нахмурился... потом лоб сыщика расправился, и лицо озарила улыбка, но уже через минуту морщина величиною с Марианскую впадину опять избороздила чело.

– Послушайте, Юп, – проговорил сыщик, – я получил заключение экспертов, тут есть кое-что весьма располагающее к размышлениям... вот, например: "из четырёх пуль, выпущенных из комнаты, только три имеют ординарные признаки прохождения сквозь древесину, клей, бумагу, а также следы штукатурки, соответствующие отделке дома..." пёс их знает, кто учил этих людей излагать свои мысли!

Он зыркнул поверх очков и продолжил читать:

– Четвёртая пуля несёт отчётливые частицы древесины, перьев и крови.

Жеран опусти бумагу и затих.

– Всё? – осведомился Юп. У него был такой вид, будто детали ему понятны, более того, ничто так не проясняло обстоятельства убийства, как птичьи перья на пуле.

– Здесь ещё приписка, что размеры частиц не позволяют идентифицировать их, или хоть сколько-нибудь систематизировать. Теперь всё.

– Очень хорошо!

Дю Жеран напомнил, что они не знают чья кровь на пуле и чьи – на ней же – перья. Спросил, что в этом хорошего?

– Пуля пролетела через подушку, – уверенно сказал Юп. – Поэтому перья. Потом она пробила грабителю руку...

– Почему не ногу?

– Потому что он бойко улепётывал, а значит ноги были целы. Кроме того, рану он получил незначительную и она почти не кровила – следов не осталось.

– Допустим, – нехотя согласился инспектор. – Хотя с подушкой... как-то натянуто.

– Я поищу простреленную подушку, – обещал Юп, – и вы поймёте, что я прав.

Подушку он не нашёл... точнее, из всего обилия подушек, думочек и подкладок на сиденья (старики обожают та-

кие "прослойки") обретавшихся в доме, только шесть имели перьевую начинку. И все шестеро были целёхоньки, как новорожденные младенцы у добротной повитухи.

Маленькую, явственно оставленную пулей дырочку (точнее, две дырочки с двух концов) несло на себе кухонное полотенце. Юп обнаружил его случайно (полотенце упало в щель между столом и посудомоечной машиной), когда наклонился поднять бутылку вина – кто-то поставил его на пол около очага.

"Монмейран" розовое... сухое. Юп повертел бутылку. Урожая прошлого года – вино было совсем юным. Юп показал находку Жерану, тот реагировал репликой:

– Едва ли Фрессон согласился бы пить такую бурду!

Юп возразил, сказал, что вино вполне приличное, только оно:

– Слишком молодо, для этого дома... слишком дёшево и слишком розовое.

– Вероятно кухарка купила его, чтобы вылить в жаркое.

– Допустим, – Юп повторил любимое словечко шефа. – Допустим она хотела приготовить "Бёф бургиньон", и решила сэкономить пару монет.

Дю Жеран всплеснул руками, и сказал, что не время рассуждать о вине, тем более о мясе – это дело начинало злить инспектора:

– Нам пора поговорить с Фрессоном, вы не находите? – так сказал инспектор. – Где он, наконец?

Юп ответил, что вероятнее всего, в гостинице.

– Так привезите! Неужели непонятно, что для успеха правосудия я должен побеседовать с ним!

Редко которое преступление выводило сыщика из себя, но убийство Ушара изрядно нервировало дю Жерана. Он даже подумывал, что кто-то специально разыгрывает следствие и путает следы: "как заяц в Булонском лесу".

Месье Фрессон с первого взгляда не понравился инспектору. Фрессон был высок, строен, потряхивал гривой седых волос и красиво вращал ладонью, когда произносил фразы. Дю Жеран решил, что этот жест Фрессон слямзил у Алена Делона:

"Да и сам он красавчик... вылитый Делон... – от такой мысли разлилась желчь, и Жеран почувствовал новый приступ раздражения: – Что за несправедливость? Одному внешность кинозвезды, дом, жена, издательство и ангельская сиделка, а другому Юп, приступы меланхолии, девять лишних килограммов и почётное право копать в чужом грязном белье?"

Фрессон поведал, что они регулярно играли с Ушаром в го и на бильярде, что розового вина он не берёт в рот, а в день убийства у него было плохое предчувствие:

– Что-то такое тревожное, – он крутанул ладонью (вторую руку засунул в карман брюк), – неприятное витало в воздухе. Я попросил у Эми успокоительного, и она мне сделала

укол... полагаю, именно под воздействием этой целительной "рапасеа" я не растерялся и открыл ответный огонь... правда, без особого успеха.

Фрессон улыбнулся и повернулся в три четверти. "Хоть сейчас на обложку журнала", – подумал инспектор.

– Скажите, Фрессон, а мадемуазель Кано, – инспектор следил за зрачками Фрессона, – вела себя обычным манером? Вы не заметили чего-то необычного? Странного?

– Нет, – Фрессон покачал головой. – Я знаю Эми уже очень давно... десять или больше лет. Она поразительно мила и профессиональна. Она стала членом нашей семьи.

– В какой степени?

– Можно сказать в предельной. Я даже включил её в завещание. Естественно, ей полагается не самый большой кусок моего "пирога", но она... как вам сказать... она очень много значит для меня.

Тем разговор и завершился. Когда инспектор пересказал его Юпу, тот воскликнул "Оп-па!" и потёр ладони:

– Патрон, а ведь это мотив! Эми влюбилась в своего старика, а он влюбился в неё... ну, знаете, как это бывает, поцелуи при луне, страстные признания, опостылевшая увядающая жена... розовое вино и клятвы верности до гроба.

– Перестаньте, Юп! Не говорите глупостей!

– Напрасно вы отрицаете такую возможность! Любви все возрасты покорны. Эми устала быть серой мышкой – это по-

нятно; она берёт дела в свои руки, и убивает Мишеля Ушара. С одной стороны, противный Ушар отнимал у неё любимого, с другой – она поддержала пошатнувшиеся финансы... в которых заинтересована лично.

– А серебро? Ведь его не нашли.

– Вот именно! Эми Кано прекрасно знает дом, и могла спрятать несессер надёжно.

– В таком случае, она и Фрессон – соучастники. На её ладонях парафиновый тест не выявил следов пороха...

– Она была в перчатках.

– ...руки Фрессона усеяны частицами густо...

– Он палил через дверь.

– Хм... всё сходится... во всяком случае... странно, – дю Жеран прошелся по комнате, сделал два шага вперёд и примерно столько же обратно. – Если бы она пристрелила хозяина... а потом Мишель Ушар изрешетил бы дверь, я бы принял эту версию безоговорочно. Эми получает долю в наследстве и избавляется от опротивевшего старика.

– Но ведь она его любит! – возразил Юп.

– Это вы так думаете, – парировал дю Жеран.

Меж тем, версия Юпа получила подтверждение и подтверждение весьма существенное. Эми Кано явилась в кабинет дю Жерана, потребовала лист бумаги и написала признание в том, что это она застрелила Мишеля Ушара. В деталях описала происшествие.

На вопрос о роли Фрессона, ответила, что вколола ему талидомид – сильнейший седативный препарат:

– Месье Фрессон почти не понимал, что происходит, – сказала Эми. – Я выстрелила в Ушара, потом закричала и выстрелила в пол. Фрессон находился в бессознательном состоянии, я вложила пистолет в его руки и начала стрелять через дверь.

– Где вы спрятали серебро? – сухо спросил Юп.

Девушка ответила, что сунула несессер в стиральную машину. Юп удовлетворённо кивнул.

– Откуда на пуле перья? – спросил Жеран.

– И чья на ней кровь?

Эми вспыхнула и отвела глаза. – Этого я не знаю.

Девушку устроили в отдельную и наиболее комфортабельную камеру.

– Пару дней посидит, образумится, – так сказал дю Жеран.

– Не могу понять зачем она врёт?

– Честно признаюсь, коллега, – Жеран взял напарника за локоть, и... неожиданно для себя почувствовал прилив нежности к этому в меру бестолковому человеку со скромными притязаниями, – расследование меня утомило. Что если мы отвлечёмся и скоротаем вечер в небольшом ресторанчике с приличной стряпнёй? Это убийство экстраординарно, и копаться в нём следует нестандартными методами.

– Хотите сказать, неформальная обстановка поощрит нашу мозговую активность?

– Именно! Быть может из владений Бахуса, так сказать... и под влиянием Диониса мы сможем вообразить, откуда на пуле выросли птичьи перья.

Сохраняя на лицах деловитую таинственность, компаньоны покинули здание полицейского управления. Затем, посредством автобуса маршрута 57 отправились в сторону Порт-де-Баньоле, где в одном из переулков таилась едальня месье Видаля.

У Видаля недурственно готовили, имелся запас вин (при том, весьма разнообразных), однако "шарм и прелести заведения" (как говорил дю Жеран) залежали совсем в другой области. В эстетической области. Сам Видадь отлично играл на саксофоне, неплохо дул в трубу, декламировал стихи Верлена (если позволял себе лишний стаканчик). Каждый вечер на маленькой сцене ресторана происходил "миниатюрный мюзикл" – такое определение нравилось хозяину.

Вот и сегодня, лишь только компаньоны сделали заказ и погрузили губы в белёсый пастис (его выбрали в качестве аперитива), на сцене появилась девушка в синем платье.

Юп поперхнулся и скосил глаза на синюю певицу.

– Как вам эта птичка, Жеран?

– Как женщина или по сути? – уточнил инспектор. – Сейчас она запоёт, и мы оценим.

– Какие песни? – возмутился Юп. – О чём вы? Посмотрите на её плюмаж! Ставлю одну монету против сотни, что у

мадам Фрессон найдётся подобный гарнитур!

Синяя птица запела низким и бархатным контральто. Дю Жеран употребил свой пастис и отодвинул стакан. Отметил, что версия вполне жизнеспособна:

– Не плюмаж, конечно, но вечернее платье с отделкой из перьев...

– Или хотя бы одно перо! – перебил Юп.

– ...мы обнаружить сумеем, – закончил инспектор.

Меж тем, вечер одарил сыщиков ещё одной сколь же потенциальной, столь и невероятной гипотезой. В промежутке между горячими кабачками с сыром и острыми маслинами и десертом на сцене появился некий месье... он выглядел слегка непрезентабельно, притом в такой степени, что Юп проверил украдкой пистолет, ибо подумал о карманнике.

Невзрачный месье вздохнул, будто собирался заняться чем-то тяжелым и нудным, и вынул из воздуха колоду карт. Сноровисто её стасовал и пустил радужным веером из одной далеко отставленной руки в другую. В зале заплодировали.

Неказистый оказался фокусником. Техника его была бесподобна, пальцы мелькали, словно спицы велосипеда, когда мальчишка мчится на нём с горы, но вот костюм... лицо... причёска... Фокусник знал свои слабые места, и попытался шутить:

– Однажды месье Чехов пожаловался, что внешность – его наказание. Не пью, не курю, говорил русский писатель, ложусь вовремя спать и чист помыслами, словно монашка. А

выгляжу так, будто три дня пил запоем.

Фокусник вынул из шляпы кролика, затем, безо всякой паузы поклонился, вскинул руки жестом генерала де Голля и выпустила на волю пару голубей – они, прокружив, уселись на гардины.

– Вот это мило, – выговорил Жеран.

– Впечатляет, – подтвердил Юп. – Что если так же поступил Преступник?

– Хотите сказать, он явился в дом Фрессона с голубями в рукавах? Хотел побаловать хозяев? – губы инспектора желчно изогнулись.

– Ну... – Юп пожал плечами, мол, всякое может случиться.

– Давайте выпьем коньяку, и отправимся спать. Завтра допросим мадам Фрессон и ещё раз осмотрим территорию на предмет голубиного помёта.

В гардеробе мадам Фрессон обнаружилось платье, отделанное перьями – его привезли из Австралии. Надо признать, что "вещичка" была выполнена с большим вкусом: мастер очинил перья попугая предельно высоко, оставив только макушки, эти "шарики" он покрыл лёгким персиковым тоном, дабы приглушить пестроту. Из остовов-стержней сплёл неширокий, но весьма элегантный корсет, поддерживающий грудь и подчёркивающий талию.

Впрочем, все эти нюансы сыщики не разглядели, они ис-

кали пулевое отверстие, и не находили его.

– Оставьте, Юп! – выговорил Жеран, когда помощник решился на пятый или шестой осмотр. – Неужели вы не понимаете, что вокруг раны была бы кровь, и мы бы её сразу заметили?

Юп согласился. Вернул платье на место. Сказал, что остаётся только голубятня.

Жеран встревожился.

– В двух кварталах, я обнаружил голубятню, – пояснил Юп. – Мне не удалось поговорить с хозяином, поскольку вчера он праздновал день своего рождения и порядочно нализался. Насосался вина настолько, что увидел дно бочки. Он налимонился, шеф.

– Хватит! – дю Жеран вскинул ладони. – Я всё понял! Голубятня остаётся у вас в резерве. Что со стиральной машиной и несессером?

– Они не встречались, – ответил Юп. – Эми Кано нас обманула, она не стреляла в Ушара.

– Так я и полагал, – махнул Жеран. – Не пойму, какого чёрта она себя оговорила?

– Поводов много. Когда вы молодая и красивая девушка, вас окружают соблазны. Она могла выгораживать любимчика Алена... вы заметили, что старик Фрессон вылитый Аллен Делон? Её могли подкупить, наконец, запугать.

– Кто?

– А хотя бы мадам Фрессон. Судя по всему, дело затягива-

ется, время уходит. Пора посыпать круассаны сахарной пудрой – они остывают, но из-за судебных проволочек, права на кулинарный справочник ещё не перешли к Фрессону. Хозяйка надавила на сиделку... быть может, посредством компромата в виде интимных фото, или посулила кругленькую сумму, чтобы Эми взяла вину на себя. Это не так глупо, учитывая, что мадемуазель Кано наследница и денежки, в конце пути, достанутся ей.

Дю Жеран сосредоточенно молчал, слова напарника заставили его задуматься. Прошла минута, наконец, сыщик проговорил, что беседа с мадам Фрессон неминуема, уверил, что проведёт её сам:

– Пожалуйста, не встречайте. Я почти разгадал загадку, и только нюансы не сходятся. Поэтому я весь на нервах, и если вы станете мешать...

– Я – само молчание! – обещал Юп. – Могила! Каменный склеп на заброшенном еврейском кладбище!

Мадам Фрессон была полной противоположностью своего мужа. Невысокая, напористая, деловитая.

"Такая запросто могла подкупить", – подумал Юп.

"Или запугать", – подумал Жеран.

Жюли Фрессон заявила, что она знает о своих правах и упрекнула полицию в бездействии. На лице женщины доминировал выразительный нос – слегка крючком, – и подвижные губы. Мадам красила губы алым и пудрила бледно нос.

Жюли имела увесистую грудь – на зависть многим женщинам, тонкую талию и широкие бёдра. В сущности, было понятно, на какие прелести клюнул в молодости Ален Делон. То есть месье Фрессон.

Юп подумал, что кабы не железное алиби, он бы заподозрил, что заварушку устроила Жюли: "А что? пальнула в лобешину Ушару... быть может, у них были шашни, расстреляла дверь... муж был под кайфом, а сиделку запугала".

Но мадам Фрессон рисовала. В тот вечер она, по многолетней привычке, отправилась в студию и провела там шесть часов. Тонкий запах скипидара и показания свидетелей подтверждали слова Жюли.

Дю Жеран спросил о кухарке, получил ответ, что "старая хрычовка давно порывалась сбежать", но это так просто не удастся: "я верну её на место в два счёта! у неё не осталось совести и мозгов, но готовит она великолепно", – сказала Жюли.

Вопрос о серебре. Мадам Фрессон в деталях описала вилки, ножи и ложки, натурально пожалела о пропаже.

– А вино? – спросил дю Жеран, как будто между прочего. – На кухне затерялась бутылочка розового "монмейрана".

Жюли посмотрела на сыщика подозрительно, не разыгрывает ли? Жеран повторил:

– Мы нашли бутылку сухого вина, – он обрисовал в воздухе бутылочный контур. – Розовое "монмейран".

Мадам Фрессон ответила, что никогда в жизни в её доме

не было подобной бурды, и никогда не будет.

– За кого вы меня принимаете? – она вспыхнула очами, и...

...и дю Жеран (быть может впервые в жизни) подумал, что вот было бы неплохо проснуться утром и обнаружить в своей постели такую решительную женщину. Он даже тряхнул головой, чтобы избавиться от морока.

– Как вы относитесь к мадемуазель Кано? – задал последний вопрос.

Жюли ответила искренно, сказала, что сиделка – минимальное необходимое зло:

– Чтобы держать маленького жеребчика моего седого жеребца под контролем, я позволила Эми жить в доме. И даже включила её в завещание.

– Понимаю вас! – дю Жеран поцеловал мадам Фрессон руку, и ещё раз позавидовал счастливчику Алену Делону. – Как это мудро!

Меж тем, расследование выходило на финишную прямую. Дю Жеран выбрался на улицу (беседа происходила в доме Фрессонов) и набрал полные лёгкие воздухом. Сыщику показалось, что атмосфера пропахла озоном и электрические искорки мелькают меж молекул O-2. Напряжение возросло до невероятных высот, кончики пальцев Жерана зудели. "Лямур-тужур", – проговорил он под нос, чем озадачил напарника.

"Эвон, как! – ухмыльнулся Юп. – Жеран втюрился!"

Пускай, Юп ошибся... но только отчасти. Маленькая крупица души дю Жерана симпатизировала мадам Фрессон, львиная же доля неслась в полицейское управление, дабы закончить замысловатое расследование.

– Знаете, Юп, – проговорил Жеран, – это дело мне напоминает футбольный мяч, упавший на цветочную клумбу. Он такой же грубый и неуместный, как...

– Как кто? – спросил Юп.

– Как Преступник, конечно! – вспыхнул инспектор. – О чём вы думаете?

Дю Жеран осведомился, где машина, ему не терпелось мчаться.

Доступных машин не оказалось, все они разъехались. Юп накрутил полицейское управление, ему ответили, что в городе объявлена облава, и все автомобили задействованы в ней.

– Пойдём пешком! – скомандовал Жеран. – В пути, я проговорю вам отгадку, а вы попытаетесь поразить стройную цепь моих безупречных логических напластований своими беззубыми сомнениями.

Юп кивнул, давая понять, что его "беззубые сомнения" будут неистовствовать.

– Прежде всего, отметим, что преступление было совершено спонтанно... именно поэтому оно взвинтило мои нервы и мыслительные мощности до самого высокого предела. Когда преступление спланировано заранее, Преступник

и Сыщик находятся в равном положении, с той только разницей, что один предполагает, а другой располагает. Это же убийство произошло случайно, и помимо воли Преступника, мы состязались с волею Рока, мой незатейливый напарник.

Преступник знал дом Фрессонов, бывал в нём. Не в мелочах, конечно, но отличал кухню от бильярдной, спальню от уборной. Он открыл дверь, вошел. Обнаружил, что в доме он не один... если говорить точнее, он ждал, что в доме присутствуют хозяин и мадемуазель Эми, но оказалось, что есть кто-то третий. Это несколько путало карты, но... не мешало.

Он осмотрелся, оставил на столе подарок, прикрыв его кухонным полотенцем. Бутылку вина поставил на пол, поскольку... – дю Жеран пошевелил пальцами, будто разминал сигару, – тут вступает в игру любовная философия, мой друг. Он тянулся к Эми Кано, как цветок тянется к солнцу, девушка отвечала взаимностью, но денег на приличное вино не оставалось. – Сыщик улыбнулся.

– Преступник решил откупорить бутылку и дать вино подышать... что характеризует его с лучшей стороны, я говорю о Преступнике, не о вине... вино – дрянь.

Отыскивая штопор, молодой человек (а мы выяснили, что он молодой) наткнулся на кухонные перчатки... заметил столовое серебро, и подумал... нет, он ещё не понимал и даже не помышлял о преступлении, но подумал, что... хорошо бы прибрать серебро к рукам. Старикам Фрессонам оно уже ни к чему, а ему и Эми может облегчить жизнь.

Тогда он сходил в гардеробную за несессером, аккуратно сложил в него добычу. Прикинул вес благородного металла, и взалкал. А когда обнаружил в кабинете хозяина револьвер с патронами, шило в юной заднице заиграло на полную мощность. "Чего ради я тушуюсь? – подумал он. – Припугну стариков и Эми... чтобы она не догадалась".

Молодой человек надевает на лицо повязку и нахально обыскивает спальню мадам Фрессон. Затем он поднимается по лестнице, помахивая тридцать вторым полновесным калибром и сталкивается нос к носу с Ушаром. От неожиданности Преступник стреляет, притом, исполняет выстрел художественно красиво – в середину лба, так что жертва отлетает, киношно хлопнув в воздухе каблуками.

Эма падает на пол и визжит, Преступник инстинктивно стреляет в неё, но промахивается (что характеризует его, как дилетанта). Сообразив, что он едва не застрелил свою любовь, он отшвыривает револьвер.

– Его хватает месье Фрессон, – Юп посмел дать ремарку, – и открывает ответный огонь.

– Всё так, мой сметливый компаньон, опера "Шутка" переходит в динамичную стадию: преступник улепётывает, пули летят, одна из которых попадает в гостинец Преступника. Он хватает его на ходу и бежит из дому. Одной рукой сжимает несессер, а второй... к слову, вы сообразили, что принёс с собой Преступник? Нет?

Юп пожал плечами, дю Жеран сказал, что на этот "па-

роль" он собирается "расколоть" Эти Кано.

– А она соучастница? – удивился Юп.

– Нет. Но она знает, кто преступник. И любит этого олуха. Поэтому выгораживала.

В камере было просторно и чисто, через всю стену от окна до самого пола бежала солнечная полоса. За столом сидела девушка, читала. Дю Жеран стремительно пересёк комнату и протянул ей руку:

– Поздравляю, мадемуазель Кано! Дело раскрыто!

Эми смутилась, чего и ожидал инспектор. Он улыбнулся, погладил девичью ладонь и проговорил:

– Нет смысла запираяться, я знаю о вашей любви к попугаям...

– Канарейкам, – поправила Эми.

– Пусть так, – согласился Жеран, – и что ваш друг принёс вам одну. В клетке. Её прострелила третья пуля.

Эми пригорюнилась и замолкла. Юп посмотрел на часы. Дю Жеран подумал, что в этом деле слишком много красивых женщин.

– Вы правы, – заговорила Эми, – не имеет смысла запираяться. Мы собирались пожениться, я и Самюэль Гюркуфф. Он работает на почте, приличный молодой человек, я любила его. Он несколько раз бывал в доме, по средам, когда мадам рисовала, а месье засыпал. Накануне Самюэль сказал, что хочет сделать сюрприз, но я не думала, что так всё окон-

чится.

Эми зарыдала, мужчины наперебой её успокаивали, жан-дарм принёс воды, Жеран цыкнул на него и потребовал бутылочку чаю. Через десять минут в камере накрыли стол, и Эми, прихлёбывая, рассказывала свою историю.

Она незначительно отличалась от версии инспектора, и повторять её не имеет смысла, с тем только дополнением, что после инцидента, Гюркуфф встретился с Эми, признался в содеянном и сделал ей предложение. Эми не стала отвечать согласием, но... она любила Самюэля, а потому попыталась принять его вину на себя.

/в этом месте Жеран смахнул слезу

– Я старалась всеми силами... но, когда вы спросили о столовом серебре, я поняла, что не смогу его покрывать.

Юп поднял указательный палец, и выговорил, что всё тайное становится явным.

Fin

P.S. Два дня спустя, когда в доме Самюэля Гюркуфа произвели обыск, и на заднем дворе в свежевырытой яме обнаружили несессер, мадемуазель Кано освободили из-под стражи. Ей было запрещено покидать город, ибо она оставалась ключевым свидетелем.

В качестве места пребывания, управление полиции арендовало для Эми комнату в гостинице "Националь", на втором этаже – это обычная, хотя и редко применяемая проце-

дура.

Девушка въехала в номер и первым делом включила обогреватель – было стыло и промозгло, пахло плесенью и даже солнечный пейзаж ван Гога (репродукция) не исправлял положения.

Она выпила горячего кофе, и подошла к окну. На улице, на перекрёстке сквозь морось различила женскую фигуру. Это была Жюли Фрессон.

Жюли подняла вуалетку и спросила губами:

– Как?

– Всё получилось! – так же безмолвно ответила Эми.